

Страхов П. С. Антисоциалистическая религиозность [Рец. на:]
Булгаков С. Н. Два града: Исследование о природе общественных
идеалов. М., 1911. Т. 1–2 // Богословский вестник 1911. Т. 1. № 4.
С. 818–832 (3-я пагин.). (Продолжение.)

Антисоціалістичаская релігіозность.

(Продолженіе).

III.

На все только что указанное не может, конечно, не реагировать всякій, кому дорога та религиозная настроенность, которая только одна и может защитить от социалистического хаоса со всё́мъ присущимъ ему туманомъ опошления самыхъ дорогихъ запросовъ души. Реакція эта невольно переходитъ въ душевную боль и нарушаетъ спокойное теченіе мысли. Отсюда и тѣ крайности, въ которыя можно здѣсь впасть совершенно незамѣтно для самого себя. Таковою и является, по моему мнѣнію, увлеченіе С. Н. Булгакова мыслью о „религиозности“ уже почти рѣшительно всего, что только есть идейнаго въ жизни и дѣятельности человѣчества, и притомъ не только въ положительномъ, но и въ отрицательномъ направленіи. Это есть неизбежный результатъ черезчуръ горячаго протеста противъ атеизма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всякая крайность, это даетъ лишь пищу для возраженій, тѣмъ болѣе дѣйствительныхъ, что дѣло вообще не идетъ дальше довольно поверхностныхъ аналогій.

Такъ напримѣръ нельзя не признать ужь черезчуръ широкимъ слѣдующее обобщеніе: „Различныя общественныя нани направленія, начиная съ западничества Бѣлинскаго, одинаково, и народничество, и народовольчество, и марксизмъ, всё они, при всёхъ своихъ различіяхъ, имѣютъ общую религиозно-философскую почву въ идеяхъ гуманизма“¹⁾.

¹⁾ Дв. гр., I, 65.

Или, напр., что можно сказать по поводу хотя-бы слѣдующаго, болѣе чѣмъ проблематическаго утвержденія: „Въ русскомъ обществѣ среди интеллигенціи развитіе производительныхъ силъ (выраженіе столь часто повторяемое марксистами), какъ своеобразная религіозно-этическая задача, какъ видъ общественнаго служенія, пока недостаточно оцѣнивается“¹⁾? И наконецъ даже оказывается, что и самый социализмъ „Тоже выступаетъ въ наши дни въ качествѣ религіи массъ народныхъ.—Это первое въ исторіи христіанскихъ народовъ движеніе, имѣющее религіозныя черты.— Въ социализмѣ слѣдуетъ различать „цѣль“ или идеаль и движеніе или практику. Последняя составляетъ предметъ научной практической экономіи и реалистической социальной политики, первая принадлежитъ къ области вѣрованій и упованій религіознаго (въ широкомъ смыслѣ слова) характера“²⁾.

Во всемъ этомъ кроется, очевидно, какая-то неясность, какое-то, безцуръ общее и широкое понятіе „религіозности“. Попытаемся установить это понятіе болѣе опредѣленно, сузивъ его и связавъ съ однимъ, и только однимъ, объектомъ прямой религіозной вѣры. Объектъ этотъ въ различныхъ религіяхъ можетъ имѣть разные образы, но по существу онъ всегда одинъ—это Богъ.

Было-бы странно на страницахъ духовнаго журнала пускаться въ подробныя разсужденія о сущности религіи. Поэтому достаточно будетъ привести слѣдующее опредѣленіе религіи, принадлежащее, кому-же, философу, котораго такъ цѣнить и самъ С. Н. Булгаковъ, посвятившій ему много горячихъ строкъ въ своемъ сборникѣ: „Религія есть организованное поклоненіе высшимъ силамъ“, говоритъ кн. С. Трубецкой, и далѣе подчеркиваетъ: „Съ точки зрѣнія любой религіи источникомъ опредѣленныхъ вѣрованій является *откровеніе* высшихъ силъ“³⁾, такъ что ужъ ни въ коемъ случаѣ нельзя предположить, что въ качествѣ высшей силы, какъ объекта *религіознаго* вѣрованія, можетъ явиться напр. „человѣкобогъ“, или даже само

1) Ibid., 201.

2) Дв. гр., II, 3—4, 115.

3) С. Трубецкой. Собр. сочин., т. II, 1908, стр. 499 и 501.

человѣчество. И тѣмъ болѣе странно звучитъ столь часто встрѣчающійся въ настоящее время терминъ: „атеистическая религія“ ¹⁾. Вѣдь и самъ-же Булгаковъ не отрицаетъ того, что „для божества быть значитъ открываться, животворить. Богъ же не животворящій есть *contradictio in adjecto*. Поэтому деизмъ, признаніе Бога *an und für sich*, въ всякаго отношенія къ человѣку, есть только въѣзливая форма атеизма“ ²⁾. Что-же, коли такъ, какъ не чистѣйшій атеизмъ всѣ эти „религіи“ сверхчеловѣка, человѣкобога, человѣчества, и т. д., объекты которыхъ не только не могутъ „животворить“, но и вообще-то представляютъ собою не живыя сущности, а лишь болѣе или менѣе остроумныя созданія человѣческаго ума? Не потому-ли и всѣ измышляемыя людьми религіи, вродѣ поклоненія Разуму французской революціи, или даже знаменитой позитивной религіи Конта, являются всегда мертворожденными пародіями на истинную религію, болѣе далекими отъ нея, чѣмъ даже какіе нибудь странные и нелѣпыя обряды шамановъ? Нѣчто прямо выдуманное можетъ-ли идти въ сравненіи даже съ тѣмъ, что хотя-бы и въ самой грубой формѣ, но все-таки устремляется къ таинственной, мистической Сущности міра?

Съ появленіемъ свѣта христіанской вѣры, рамки истинной религіозности сузились, и для христіанина, прямо и просто вѣрующаго въ Христа, кромѣ Него и таинственно открывающейся черезъ Него Св. Троицы, живущей въ таинствахъ и догматахъ Церкви, уже нѣтъ и не можетъ быть никакого иного объекта религіозной вѣры. Лишь разъ навсегда, твердо и опредѣленно установивъ эту точку зрѣнія, можно ясно различать зерно отъ плевель, произвольныя умствованія отъ

¹⁾ Если даже принять слѣдующую точку зрѣнія на религіи, согласно которой „Религія—это не то, что вѣра или исповѣданіе, или благочестіе; это—таинственная цѣпь, связывающая (*religans*) насъ съ чѣмъ-то выше насъ, въ чемъ бы оно не заключалось. Мы можемъ прекратить всѣ практики благочестія, можемъ отказаться отъ всѣхъ догматовъ, составляющихъ какое либо исповѣданіе, можемъ даже потерять вѣру—но мы остаемся религіозны до тѣхъ поръ, пока отводимъ въ своемъ міросозерцаніи извѣстную область великому Незвѣстному и чувствуемъ вашу относительность къ нему. (*Зелинскій*. „Соперники христіанства, 1907, стр. 2—3), то все-таки лишь съ большою натяжкой можно принять за „великое Незвѣстное“ одинъ изъ объектовъ „атеистической религіи“.

²⁾ Дв. гр. I, 47.

істинної релігійності. Можна живо інтересуватися іншими, нехристіанськими релігіями, но и здѣсь лишъ постольку, поскольку въ каждой изъ нихъ скрита круница божественной истини, извѣстная, хотя-бы и отдаленная и смутная, степень приближенія къ откровенію въ Христвѣ Бога жива. Всѣ-же поверхностныя релігійныя аналогіи должны быть разъ навсегда изгнаны изъ поля зрѣнія всякаго искренняго защитника христіанства. Слишкомъ доволно и безъ того было и есть самага безцеремоннаго жонглированія объектами вѣры для самыхъ разнообразныхъ и часто прямо антихристіанскихъ цѣлей. Странная наклонность находить рѣшительно во всемъ релігійныя черты, начиная съ соціализма и вплоть до самыхъ рискованныхъ вопросовъ пола (стоитъ вспомнить лишъ писанія В. Розанова) является какой-то отличительной чертой современнаго русскаго „богоискательства“. Можетъ быть во всемъ этомъ есть утрировка черезчуръ горячаго порыва къ идеальному, но зато все это можетъ быть и очень удачно использовано противниками въ глазахъ большинства, настроеннаго, въ массѣ, предубѣжденно противъ всего, что касается релігій, тогда какъ вдумчивая и справедливая оцѣнка релігійныхъ мнѣній встрѣчается рѣдко.

И тѣмъ не менѣе С. Н. Булгаковъ утверждаетъ даже, что природа русской интеллигенціи по существу релігійна ¹⁾. Предположеніе-же его, что будто-бы „рядомъ съ антихристовымъ началомъ въ нашей интеллигенціи чувствуются и высшія релігійныя потенці, новая историческая плоть, жаждущая своего одухотворенія“ ²⁾, то это уже прямо аберація наблюденія современной дѣйствительности, гдѣ если и бродятъ всякаго рода релігійныя исканія, то въ серьезъ ихъ можно принять ужъ конечно лишъ въ средѣ народной, но никакъ не интеллигентской. А въ той части нашей интеллигенціи, которая теперь дѣлаєть жизнь, ихъ нѣтъ совсѣмъ и долго, долго еще не будетъ. Да и въ невѣроятнѣйшемъ сумбурѣ современныхъ „богоисканій“ совершенно еще нельзя подмѣтити даже зерна созидательнаго, положительнаго релігійнаго творчества, а наоборотъ—самые много-

1) Дв. гр., II, 221.

2) Ibid.

численные входы разрушенія и религіозной анархіи. Всѣ эти теософы, спиритуалисты, сочинители самыхъ разнообразныхъ новыхъ христіанствъ или примыкають къ сектантскому раціонализму, или-же являются не болѣе какъ интеллигентской блажью, изыскивающей въ религіи новыя эстетическія позы. О глубокомъ разрушительномъ дѣйствіи религіознаго раціонализма и морализаціи религіи я уже говорилъ. Что-же касается интеллигентскаго „богоскательства“, то изъ него, кромѣ эстетическихъ забавъ, вытекають только лишь различныя псевдо-христіанскія новообразованія, вродѣ напр. какого-нибудь „голговецкаго“ христіанства, берущагося ни болѣе, ни менѣе, какъ дополнить и докончить дѣло Христа ¹⁾..., или же раздаются пророчества о наступленіи новаго, третьяго Завѣта, „Церкви Духа Святаго“ (Мережковскій) и старательно изыскивается какое-то „новое религіозное сознаніе“, сущность котораго остается до сихъ поръ неясной, или разъясняется въ тенденціозномъ „евангельскомъ“ духѣ, или-же, наконецъ, выливается въ сбивчивыя мечты о чемъ-то вродѣ возсозданія первохристіанскаго церковнаго уклада, лишь-бы только противопоставить что нибудь столь ненавистному „казенному православію“ ²⁾.

Въ своемъ увлеченіи, если можно такъ выразиться „все-религіозностью“, выступаая противъ социализма, С. Н. Булгаковъ доходитъ даже до странной попытки облечь чисто матеріалистическія и вполне реальныя чаянія социализма въ эсхатологическія и даже апокалипсическія формы, отдавая этимъ дань очарованію величественными образами Апокалипсиса, уже давно чарующими воображеніе „богоскательства“. Удивительно, что та опять таки чисто по-

1) Одинъ изъ талантливѣйшихъ наблюдателей современнаго „богоскательства“, М. Пришвинъ передаетъ напр., подчеркивая курсивомъ, слѣдующее изреченіе старообрядческаго епископа Михаила (Семенова): „*Искушленіе не совершено до конца. Мірѣ еще не спасенъ*“ (Русск. Вѣдом. 1910, № 251), а потому сей епископъ и измышляетъ свое „голговецкое“ христіанство, особенно пикантное тѣмъ, что оно исходитъ изъ нашего эмансипирующаго старообрядчества.

2) Я уже высказывалъ выше, что я выдѣляю С. Н. Булгакова изъ среды „богоскателей“ на основаніи приведеннаго мною выше яснаго исповѣданія имъ истиннаго христіанства. Точно также и въ средѣ современной интеллигенціи есть конечно и искренніе друзья христіанства и православія, которыми „искать“ печего, но ихъ очень и очень немного.

верхностная аналогія, которую, пожалуй, дѣйствительно можно усмотрѣть между іудейскимъ, тоже вполне матеріалистическимъ хиліазмомъ и социалистическими утопіями грядущаго Zukunftstaat'a, увлекаетъ С. Н. Булгакова настолько серьезно, что онъ не задумывается потратить на этотъ по существу праздный вопросъ много труда и эрудиціи. А между тѣмъ, если-бы даже удалось провести самую строгую параллель между не только іудейскимъ, но и христіанскимъ, апокалипсическимъ хиліазмомъ и социалистическими чаяніями, то и это ничуть не доказало-бъ „религіозности“ социализма, такъ какъ оба эти упованія лежатъ въ совершенно разныхъ и несравнимыхъ плоскостяхъ. Эсхатологическія упованія христіанства, достигавшія въ первохристіанское время необычайнаго напряженія, отличаются отъ самыхъ горячихъ социалистическихъ порывовъ къ „дальному“ тѣмъ, что въ нихъ есть вѣра лишь въ сверхчувственное устройство всего Единымъ Судіею и Мздовоздаятелемъ, тогда какъ въ социализмъ всѣ надежды возлагаются вполне реально, съ одной стороны на безпредѣльный научный прогрессъ, а затѣмъ еще на какую-то социальную катастрофу, отнюдь конечно не таинственно-сверхчувственного характера. Въмѣсто Мессіи или Христа ожидается просто разрядъ черезчуръ напряженнаго электричества классовой вражды. Да и вообще привлеченіе къ великому дѣлу защиты Христовой вѣры символическихъ образовъ Апокалипсиса можетъ сослужить плохую службу еще и потому, что сокровенный смыслъ ихъ открывается лишь избраннымъ, а въ рукахъ противниковъ очень легко превращается въ предметъ осмѣянія и опозоренія. Въковой опытъ апокалипсическихъ толкованій совершенно наглядно показываетъ насколько эти толкованія, при всей ихъ увлекательности, могутъ быть произвольными и фантастическими. Ктому-же ужъ черезчуръ захватили таинственную книгу христіанства самыя разнообразныя руки, начиная съ временъ Моцана и вплоть до „шлессельбургскихъ“ фантазій Морозова ¹⁾).

¹⁾ Не даромъ же и сама Церковь, считая Апокалипсисъ въ числѣ своихъ каноническихъ книгъ, относится очень осторожно къ примѣненію его въ апологетическомъ и учительномъ дѣлѣ.

Замѣчу, кстати, что въ устахъ христіанина какъ-то странно звучитъ дуалистическое утвержденіе, что Апокалипсисъ есть трагедія борьбы

Что толку, въ самомъ дѣлѣ, если по словамъ самого-же С. Н. Булгакова, всѣ историческія эпохи испытываютъ потребность „искать себя въ образахъ Апокалипсиса, смотрѣться въ это мистическое зеркало“, въ которомъ неуклонно и видятъ себя? ¹⁾ Но коли *все* эпохи видятъ себя, то что же можно открыть такимъ образомъ новаго? И не сводится ли дѣло, такимъ образомъ, къ той „литературной эквилибристикѣ“ и „явному приспособленію къ предвзятымъ, нерѣдко и вовсе не религіознымъ темамъ и настроеніямъ“, которыя вполне справедливо осуждаетъ самъ же С. Н. Булгаковъ? ²⁾

А ужъ этой-ли „литературной эквилибристики,“ не наслушались мы въ послѣдніе, „богоискательскіе“ годы?

Но даже чисто іудейскій, матеріалистическій хиліазмъ, при всемъ своемъ внѣшнемъ сходствѣ съ социалистическимъ, однако глубоко отъ него и отличается. Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, сколько нибудь серьезно отождествлять царство іудейскаго Мессіи съ социалистическимъ Zukunftstaat'омъ. А если такъ, то и все сходство сведется лишь къ нѣкоторой общности чисто отрицательныхъ сторонъ хиліастическихъ чаяній, т. е. напр. къ притупленію чувства дѣйствительности, ослѣпленію утопіями, вымогательству чуда, какъ результатовъ необычайно тѣснаго сплетенія эсхатологическаго и хиліастическаго плановъ ³⁾. И не самъ-же ли С. Н. Булгаковъ справедливо утверждаетъ, что „человѣчскій (социалистическій?) планъ истории и непостижимые для человека, т. е. для него ирраціональные или сверхъестественные, пути Промысла несоизмѣримы, человѣчскія (социалистическія?) цѣли не адекватны цѣлямъ Божиимъ“ ⁴⁾? Этимъ подводится сразу итогъ всѣмъ возроженіемъ о несоизмѣримости социалистическихъ чаяній съ іудейскимъ хиліазмомъ, и тѣмъ болѣе съ христіанскими, эсхатологическими упованіями.

Но тогда для чего же предпринимается авторомъ этотъ

„двухъ духовныхъ началъ, при чемъ атому началу принадлежитъ своя метафизическая сущность“, и что „зло существуетъ въ мірѣ какъ положительная, самоутверждающаяся сила. („Дв. гр.“, II, 106).

¹⁾ Дв. гр., II, 105.

²⁾ Ibid., 105.

³⁾ См. „Дв. гр.“, II: 79.

⁴⁾ Ibid., 79—80.

многосложный и обстоятельный труд? Вѣдь не для курьезной же цѣли уличить социализмъ въ позаимствованіи у религіи ея апокалиптики, т. е. именно какъ разъ того, что съ наибольшимъ успѣхомъ подвергается всѣмъ антирелигіознымъ нападкамъ? Поэтому-то и приведенное мною выше категорическое утвержденіе Булгакова, что „социализмъ есть апокалиптика натуралистической религіи челоуѣкобожія“, звучитъ просто красивой фразой, интересной лишь съ точки зрѣнія сопутствующихъ этому утвержденію, антисоціалистическихъ сужденій и выводовъ.

Но уже зато какою ненавистью къ атеистическому социализму дышатъ слѣдующія горячія строки: „Социализмъ—это рационалистическое, переведенное съ языка космологіи и теологіи на языкъ политической экономіи переложеніе іудейскаго хилиазма, и всѣ его *drumatis personae*, поэтому, получили экономическое истолкованіе, Избранный народъ, носитель мессіанской идеи, или, какъ позднѣе, въ христіанскомъ сектанствѣ, народъ „святыхъ“, замѣняется „пролетариатомъ“ съ особой пролетарской душой и особой революціонной миссіей, при чемъ избранность эта опредѣляется уже не внутреннимъ самоопредѣленіемъ, какъ необходимымъ условіемъ мессіанскаго избранія, но внѣшнимъ фактомъ принадлежность къ пролетариату, положеніемъ въ производственномъ процессѣ, признакомъ сословности. Роль сатаны и Веліара естественно досталась на долю класса капиталистовъ, возведенныхъ въ рангъ метафизическаго зла, точнѣе заступавшихъ ихъ мѣсто въ социалистическомъ сознаніи за свою профессиональную склонность къ накопленію. Мессіанскимъ мукамъ и послѣднимъ скорбямъ здѣсь соответствуетъ неизбѣжное и, согласно „теоріи обнищанія“, все прогрессирующее обѣдненіе народныхъ массъ, сопровождаемое ростомъ классовыхъ антагонизмовъ, а на извѣстной ступени этого процесса происходитъ социальная революція, осуществляемая или черезъ посредство „диктатуры пролетариата“, захватомъ политической власти, или же „*action directe*“ французскаго синдикализма“¹⁾.

1) „Дв. гр.“, II, 116—117. Я выписалъ цѣлкомъ эту длинную цитату для того, чтобы съ особенной рельефностью очертить общую антисоціалистическую настроенность автора. Но само собою понятно, что всѣ

Если стать на скользкій путь заманчивыхъ аналогій, то очень многое можно подогнать подъ свою любимую идею. примѣромъ чего служить напр. видимо соблазняющая С. Н. Булгакова мысль о „личномъ апокалипсисѣ“, т. е. включеніи все въ тѣ же эсхатологическія рамки личной жизни каждаго изъ насъ. И это лишь потому, что какъ человѣчество, такъ и каждый изъ насъ „не можетъ не знать о предстоящемъ ему уходѣ изъ этого міра“ и не ощущать „живого трепета личной апокалиптики“ ¹⁾. Авторъ полагаетъ даже, что напр. Вл. Соловьевъ, въ своихъ „Трехъ разговорахъ“ „приподнялъ для себя покрывало Изиды и заглянулъ въ такую бездну, въ которую смертному безнаказанно не дано заглядывать также, какъ не дано ему знать ни своего будущаго, ни времени своей смерти, *личнаго свѣтопреставленія*“, а затѣмъ, будто бы и „всѣ имѣютъ личный о себѣ апокалипсисъ“ ²⁾. Все это, можетъ быть, и очень остроумно, но не выходитъ изъ предѣловъ бесплодной игры ума, къ которой какъ нельзя болѣе подходитъ слѣдующее сужденіе опять таки самого же С. Н. Булгакова: „Всякое насилуваніе въ истолкованіи величественныхъ и массивныхъ образовъ конца міра, втораго пришествія и страшнаго суда, съ примѣненіемъ къ нимъ масштабовъ историческихъ событій и хронологическихъ рамокъ, не ограничивающееся лишь выясненіемъ ихъ общихъ религіозныхъ идей, представляетъ не только плодъ недолжнаго любопытства, стремленія проникнуть взоромъ въ занавѣшенныя и пріоткрытыя лишь въ

эти, скорѣе сатирическія аналогіи характерны лишь просто для чловѣка, взглянувшаго на социализмъ не совсемъ безпристрастными глазами, да еще черезъ призму своей политико-экономической специальности, окрашенной, теперь, въ религіозныя цвѣта.

Вообще, мнѣ думается, что въ полемикѣ, близко соприкасающейся съ религіей, всегда лучше имѣть побольше хладнокровія, дабы не получилось предположенія о томъ, что „Зевсъ ты сердисься..“ Такъ, напр. очень странно выглядит приписываемое авторомъ Фейербаху желаніе, въ сферѣ его атеистическихъ убѣжденій „и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти“ („Дв. гр.“, I, 32), да много и другихъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ выпадовъ по адресу своихъ антипатій. Все это черезчуръ использовано религіозной апологетикой, которая этому самому обязана, между прочимъ, тѣмъ предубѣжденіемъ, которое царитъ противъ нея въ интеллигенціи.

¹⁾ „Дв. гр.“, II, 77 и 105.

²⁾ „Дв. гр.“, II, 125 и 127, курсивъ мой.

мѣру надобности врата міровой (а въ ней непремѣнно и личной) смерти, но и просто методологическую ошибку“ 1)...

IV.

До сихъ поръ я старался обрисовать основное, отрицательное отношенію автора „Двухъ градусовъ“ къ соціализму и его атеистическимъ тенденціямъ. Посмотримъ, теперь, какіе же положительные идеалы противопоставляются порицаемымъ соціалистическимъ доктринамъ.

Религіи „человѣкобожества“ противопоставляется „Богочеловѣчество“; соціалистической свободѣ—свобода христіанская и, наконецъ, соціалистическому устройству общественной жизни—„церковность“ и „соборность“. Все это, конечно, представляетъ значительный интересъ, но при условіи, во первыхъ, вполне отчетливаго идейнаго содержанія, а затѣмъ и наличности средствъ практическаго проведенія въ жизнь, такъ какъ лишь при этомъ дружному натиску атеистическаго соціализма можно будетъ дѣйствительно противопоставить нѣчто серьезное.

Церковное ученіе о Богочеловѣчествѣ Христа, совершенно точно очерчиваемое словами св. Григорія Богослова о томъ, что въ немъ „человѣку нужно было освятиться человѣчествомъ Бога“ 2), съ легкой руки Вл. Соловьевъ приобрѣло, въ русскомъ „богоискательствѣ“, какую то особую популярность. Уже самъ Соловьевъ распространяетъ понятіе Богочеловѣчества съ Христа на „духовнаго человѣка“, какъ на „одну богочеловѣческую личность, совмѣщающую въ себѣ два естества и обладающую двумя волями“ 3), а затѣмъ, въ порядкѣ земнаго бытія, предполагаетъ, что „Церковь, какъ тѣло Христово, являющееся сперва какъ малый зачатокъ въ видѣ немногочисленной общины первыхъ христіанъ, мало по малу, растетъ и развивается, чтобы въ концѣ временъ обнять собою все человѣчество и всю природу въ одномъ вселенскомъ богочеловѣческомъ организмѣ“. При этомъ Церковь, какъ тѣло Христово, пони-

1) Ibid., 97.

2) Orat. 45, n. 22. (Migne, XXXVI).

3) „Чтен. о богочеловѣчествѣ“, чт. II; Соч., т. III, 156. Эта же идея, по видимому бродила и у раннихъ протестантскихъ мистиковъ. (См. *Виндильбенъ*, Ист. нов. философіи, т. I, 1892, 81).

мается отнюдь не въ смыслѣ метафоры, а метафизической формулы ¹⁾). Для того же, чтобы истинное богочеловѣческое общество, созданное по образу и подобию самого Богочеловѣка, было-бы дѣйствительно свободнымъ согласованіемъ божественнаго и человѣческаго начала требуется, по Соловьеву, два условія, именно: сохраненіе во всей чистотѣ и силѣ божественнаго начала (Христовой истины), и затѣмъ—самое полное развитіе начала человѣческой дѣятельности²⁾.— Вотъ ядро богочеловѣческаго ученія Соловьева. Посмотримъ теперь, какъ варьируется эта идея у современныхъ послѣдователей русскаго философа-мистика, не вдаваясь, конечно, въ обсужденіе ея по существу, что могло-бы вывести насъ далеко за предѣлы настоящей статьи.

„Человѣкъ и человѣчество есть высшее откровеніе Божества, ради котораго созданъ этотъ міръ, которое является посредствующимъ между Творцомъ и твореніемъ, душой міра“, пишетъ Булгаковъ, и далѣе: „Только человѣкъ имѣетъ способность свободнаго и сознательнаго усвоенія божественнаго содержанія, только въ немъ абсолютное находитъ свое другое, свой образъ и подобіе ³⁾). Въ силу этого человѣчество и обладаетъ потенціей безконечнаго развитія, способностью къ истинному прогрессу, ведущему къ дѣйствительному перерастанію самого себя, а не къ однимъ только пустымъ и напыщеннымъ претензіямъ на сверхчеловѣчество. Ростъ человѣчества отъ темной тварной стихіи до свѣтлага богообщенія и богопознанія, отъ звѣрчеловѣчества къ богочеловѣчеству и наполняетъ собой историческій процессъ“. Въ концѣ концовъ, человѣчество признается „становящимся абсолютнымъ“ ⁴⁾.

¹⁾ Ibid, 159.

²⁾ Ibid, 166. Я нарочно привожу здѣсь самыя основныя черты ученія Соловьева, такъ какъ легко видѣть, что именно отсюда вытекаютъ и два другихъ понятія—о церковности и о богочеловѣческой (христіанской) свободѣ.

³⁾ Въ своемъ увлеченіи „богочеловѣчествомъ“ въ христіанскомъ смыслѣ „обоженной твари по благодати“, С. Н. Булгаковъ доходитъ даже до слѣдующаго, совершенно неожиданнаго для православной Церкви предположенія, будто „въ обрядъ православнаго богослуженія введено каждевіе не только иконамъ, но и молящимся, которые приравняются иконамъ“ (!) („Дв. гр.“, II, 144).

⁴⁾ „Дв. гр.“, I, 47.

Уже сразу замѣтна та разница между ученіемъ Соловьева и только что изложеннымъ взглядомъ, что, во первыхъ, человѣчество *изначально* (до Христа?) признается носителемъ извѣстныхъ потенцій богочеловѣчества, а затѣмъ, что всего важнѣе съ чисто „прагматической“ точки зрѣнія, вмѣсто хотя-бы подобія какой нибудь реальной осуществимости, реального обзора богочеловѣчества въ нашей человѣческой жизни здѣсь получается лишь чрезвычайно общая, отвлеченная формула, вродѣ извѣстнаго Шеллинговскаго „просвѣтленія“ Божества въ мірѣ. Положимъ, и самъ Соловьевъ, очень близко подходя къ обычному церковному ученію о Богочеловѣствѣ, оставилъ въ совершенномъ туманѣ реальный образъ той богочеловѣческой Церкви, которая, по его мнѣнію, должна завершить историческій процессъ не однимъ лишь актомъ божественной воли (какъ учить Церковь), а еще и „человѣческой самодѣятельностью“¹⁾. Поэтому, казалось-бы, что у послѣдующихъ мыслителей мы могли-бы надѣяться встрѣтить какія-либо дальнѣйшія разъясненія. Но у Булгакова мы встрѣчаемъ лишь просто очень широко набросанныя рамки желаннаго „богочеловѣческаго“ уклада жизни: „Религіозная общественность, религіозная культура, внутреннее единство въ проявленной множественности,—вотъ тотъ плодъ, который зрѣетъ въ исторіи, хотя, можетъ быть, окончательное его созрѣваніи лежитъ уже внѣ ея предѣловъ, подѣ „новымъ небомъ“ и на новой землѣ“... „Возрожденная церковь явитъ въ себѣ не только церковь-храмъ, но и церковь-культуру, церковь-общественность“²⁾.

Все это очень хорошо, и христіанину-ли всѣмъ сердцемъ не желать чтобы все это осуществилось, но, къ несчастію, не дѣлается ни малѣйшаго намека на то: какъ же приступить хотя-бы къ первымъ шагамъ на этомъ поприщѣ „свободной самодѣятельности“. Вмѣсто этого, все огуломъ переносится въ эсхатологическую, запредѣльную даль. Но коли

¹⁾ Едва-ли надо говорить о томъ, насколько мало даетъ въ этомъ направленіи даже столь любопытная „Исторія и будущность теократіи“, не пошедшая, впрочемъ, къ сожалѣнію, дальше первой книги. Тоже можно сказать и о другой, недавно прекрасно изданной на русскомъ языкѣ книги Соловьева: „La Russie et l'Église universelle“.

²⁾ „Дв. гр.“, I, 176—177.

такъ, то вѣдь все это и безъ того уже предусматривается завѣтами Христа, указывавшаго совершенно опредѣленно, что намъ не открытъ ни день ни часъ „въ онъ-же Сынъ Человѣческій придетъ“, и остается лишь прилагать всѣ усилія къ жизненному осуществленію Евангелія для того, чтобы быть всегда готовымъ принять „Жениха грядущаго“? А коли открывать какія-то новыя перспективы, то ихъ нужно обрисовывать вполне точно и ясно, во избѣжаніи путаницы и смущенія и безъ того черезчуръ растерянныхъ, теперь, простыхъ умовъ и душъ. На конкретной-же почвѣ оказывается лишь, что Булгаковъ, ставя слѣдующій вопросъ: „При обсужденіи способовъ христіанскаго участія въ экономической и соціальной политикѣ—слѣдуетъ-ли стремиться къ созданію обособленнаго, христіанскаго или церковнообщественнаго хозяйства? Не можетъ-ли существовать особаго церковнаго социализма, непосредственно церковнаго хозяйства?—категорически отвѣчаетъ: „Мы съ полнымъ убѣжденіемъ и со всей энергіей на этотъ чрезвычайно важный вопросъ отвѣчаемъ *отрицательно*“ ¹⁾. Болѣе того, ему даже не нравится извѣстное Неплюевское братство, а между тѣмъ, казалось-бы, что это пока чуть-ли не единственный шагъ къ проведенію въ жизнь истинно христіанскихъ началъ, не испорченныхъ никакимъ сектантствомъ. И не нравится лишь потому, что здѣсь есть „солидный экономическій базисъ въ видѣ земельныхъ и денежныхъ пожертвованій основателя“ ²⁾. Вѣдь ужъ во всякомъ случаѣ это есть нѣчто болѣе осязательное, чѣмъ общее утвержденіе, что „Высшее устройство челоуѣчества, предѣльное понятіе и норма его не свобода, равенство, а братство,—не государство, а церковь, свободно-теократическій союзъ“ ³⁾. Но что это за „союзъ“ такъ и не разъясняется, а между тѣмъ это-то и было-бы всего интереснѣе, такъ какъ простыхъ упоминаній объ этомъ „союзѣ“ въ послѣсоловьевское время болѣе чѣмъ достаточно. Положительно получается такое впечатлѣніе, что наши „богоискатели“ имѣютъ какую-то эсхатологическую тайну, которую тщательно скрываютъ отъ непосвя-

1) „Дв. гр.“, I, 216.

2) „Дв. гр.“, I, 217.

3) „Дв. гр.“, II, 310.

щенныхъ. Впрочемъ путь намѣчается еще какимъ-то „соборнымъ творчествомъ“, безъ всякаго уже намека на его реальную сущность ¹⁾. И это все тогда, въ ту эпоху, когда напр. русская православная Церковь бьется съ разрѣшеніемъ даже столь казалось-бы простаго, сравнительно, вопроса, какъ устройство церковнаго прихода!

Вообще термины „церковность“, „соборность“ встрѣчаются, теперь, въ „богоискательской“ литературѣ безпрестанно, но дѣло не идетъ дальше самыхъ общихъ разсужденій. „Истинная, единственно возможная соборность“ пишетъ Булгаковъ, „дѣйствительное преодоленіе, а не одно отрицаніе индивидуализма, достижимо лишь въ церкви, которой только и принадлежитъ, поэтому, право наименованія единой и соборной, но не въ государствѣ, не въ экономическомъ союзѣ“. Такимъ образомъ отрицается даже самая возможность приближенія къ „свободно-теократическому союзу“ и уже конечно всѣ модернистическія попытки современнаго, передового католицизма. Но тогда нечего и намекать на какую-то „соборность“ внѣ и помимо той, которую вотъ уже столько вѣковъ проповѣдуетъ христіанство.

Вл. Соловьевъ заканчиваетъ навсегда свою „Исторію и будущность теократіи“ призывомъ не забывать, „что высшее благо и истинная цѣль теократіи заключается въ совершенной взаимности свободнаго богочеловѣческаго соединенія,— не въ полнотѣ власти, а въ полнотѣ любви“ ²⁾, и какъ-бы предуказываетъ возможность чисто христіанскаго разрѣшенія вопроса „теократіи“. С. Н. Булгаковъ заканчиваетъ разсматриваемую мною книгу призывомъ къ единенію „церковнаго сознанія“ и „свѣтской культуры“, полагая, что „И съ той и съ другой стороны должна быть признана обоюдная вина и принесена духовная жертва, и тогда *естественно* возникаетъ взаимное притяженіе и возродится живая, творящая, взыскующая грядущаго града, воистину воинствующая церковь“ ³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ длинная тирада въ излюбленномъ, апокалипсическомъ духѣ и, наконецъ, все завершается

¹⁾ Соч. т. IV, 582.

²⁾ „Дв. гр.“, II, 313, курсивъ мой.

³⁾ „Дв. гр.“, I, 67. Можно, впрочемъ, усумниться вообще: можетъ-ли быть какая-либо борьба „свободной“ у того, кто не превышаетъ противника силой?

неизбѣжнымъ „Ей, гряди, Господи Иисусе!“—возгласомъ, полюбившемся современному „богоискательству“ не меньше, чѣмъ квакерамъ во времена Кромвеля. И только.

Но вѣдь ждать, что все произойдетъ „естественно“ и какъ-то тамъ, само собою, устроится—это все равно, что надѣяться на чудо; но такихъ чудесъ было-бы нечестиво ждать даже отъ Бога, а уже тѣмъ болѣе едва-ли дождешься ихъ отъ людей, которые по справедливому мнѣнію С. Н. Булгакова „Не для лѣниваго прозябанія, но для борьбы безостановочной и непримиримой посланы въ этотъ міръ, для созиданія царствія Божія путемъ свободной борьбы“¹⁾. Нѣтъ, современная культура дѣйствительно скорѣе проникнутая „темнымъ, сатанинскимъ началомъ“²⁾, едва-ли просто и „естественно“ уступить хоть одну изъ своихъ позицій! Ждать-же, что это случится когда-то, въ эсхатологической дали—это значить совершить заколдованный кругъ, вернувшись какъ разъ, но только съ иного конца, къ столь порицаемымъ социалистическимъ гаданіямъ. Церкви же надо быть „воистину воинствующей“ не дожидаясь „естественнаго взаимнаго притяженія“, а стараясь всѣми силами отвоевывать у „врагъ адовыхъ“ свѣтлый путь къ единому истинному, обѣтованному Христомъ „грядущему граду“.

П. Страховъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Ibid., II, 312.

²⁾ Впрочемъ С. Н. Булгаковъ вноситъ сюда слѣдующую поправку: „Тѣ, кто говорятъ о новомъ религиозномъ творчествѣ въ разрывѣ съ Церковью, дѣлаютъ прыжокъ въ пустоту, или же роковымъ образомъ отъединяются въ сектанство“. („Дв. гр.“, I, XVI).